

Вре́мён маршала Будённого

даче будет гость — начинающий писатель, чаще всего застенчивый, скромно одетый юноша, так и не произнёсший от волнения ни единого слова за весь день. После этого в специальном шкафу дедушкиной библиотеки вскоре могла появиться очередная тонюсенькая, в две школьные тетрадки объёмом, книга из серии «Советский военный рассказ».

Естественно, что в те годы писатели, в основном, получались из числа военных и фронтовиков (напомню, что моё детство проходило в самом начале 50-х годов, когда со времени окончания Великой Отечественной войны минуло менее десяти лет).

На улицах встречалось множество разных трофейных и экзотических иностранных машин, вид которых и занёс в моё детское сознание пожизненное и страстное увлечение автомобилями. В Переделкино таких автомобилей тоже хватало: дачи успешных советских писателей соседствовали с дачами высших чинов Министерства обороны. По будням с утра перед воротами многих дач в ожидании своих пассажиров замирали монументальные аспидно-чёрные 110-е «ЗИСы» и пухнувшие от важности «ЗИМы», а по выходным их сменяли образцы трофейной и заморской (в основном американской) автокрасотищи, принадлежащей писателям и военачальникам или их гостям. Например, мне ярко запомнился сказочно нарядный «Шевроле Бел Эйер» года 1955-56-го с (о, чудо!) маленьким сияющим самолётиком по центру капота: это волшебство неожиданно возникло на площадке перед воротами дачи нашего соседа — главкома ВМФ. Выйдя за наши ворота и в очередной раз остолбенева, я мысленно сравнил с «Шевроле» нашу бокастую бело-коричневую «Победу» — её облик, конечно же, от такого сравнения проигрывал, но «Победу» от этого меньше любить я не стал...

Среди наших гостей особенно врезались в память образы бесшабашно красивого и смешливого однокурсника по МГУ моего дяди Эвальда, в будущем знаменитого антисоветчика Александра Зиновьева; и так похожего на кучерявого чёрного барашка — одного из первых отечественных невозвращенцев, а тогда ещё только начинающего философа Бориса Шрагина; и только что присягнувшего в фильме «Человек-амфибия» актёра Михаила Козакова; и портретиста, преподавателя живописи из Суриковского училища Ивана Ивановича Орлова; и мистически похожего на императора Павла I дирижёра Бориса Иванова, который был славен тем, что знал все партитуры на память и управлялся с оркестром, не заглядывая в ноты.

Все они, как и подопечные моего деда, начинающие литераторы, приезжали в Переделкино на электричке, а значит в строго означенное расписанием поездов время. Это обстоятельство пожизненно приучило меня к порядку и расписанию дня, как никакой педагог: подъём в 7:45, завтрак в 9:00, обед в 14:00, затем «тихий час» до ритуального 5-часового чая за самоваром... Именно в 17 часов гости и появлялись: пять раз кукукут ходики в столовой, и вот он — миг моего блаженства: дразняще отгаивающий в центре стола восхитительный торт-мороженое, украшенный чайными розами из крема с запрятанными в двойное дно упаковочной картонки кусочками парящего белым дымом сухого льда. Его привёз кто-то из гостей и сейчас он о чём-то спорит с Василием Павловичем в его кабинете. Мне могло повезти и больше, и тогда в кухне, в середине зимы, на блюде возникало уж абсолютнейшее чудо — горка свежзамороженных слив. Почему-то в те годы в качестве редакторского «гонорара» Василия Павловича чаще всего выступали именно они, огромные и неправдоподобные, дымчато-сизые шары, пару которых, если вовремя подсуетиться, то украдкой от ба-

бушки можно было успеть сгрызть — так, мёрзло ледяными и не растаявшими. И поверьте, уж это была абсолютнейшая вершина счастья. На худой конец, в задний карман моих штанов от будущего поэта или прозаика перемещалась плитка шоколада «Гвардейский» или пара потерявших свою товарную форму слипшихся конфетин «Кара Кум» с нарисованными на обертке на фоне жёлтого песка верблюдами и грузовиком.

Время было послевоенное, и нередко вместо сладостей мне дарили ставшие ненужными погоны, медные пуговицы со звёздами или воинские нашивки с эмблемами различных родов войск. Крылышки со звездой и пропеллером — это авиация, от дяди Саши Зиновьева; перекрещенные пушечки — артиллерия, от Эвальда; маленький золотистый танк — от сына писателя Серафимовича; грузовик или змеюка, обвившаяся вокруг чаши — от друга семьи, военного врача Козловского. Все они так и просились привинтиться на воротничок моей рубашки или пальто, став знаками отличия моей вольности и свободы.

Надо сказать, что значение всех этих символов я хорошо знал и, как всякий послевоенный мальчишка, при виде формы и её аксессуаров забывал про озорство и нагонял на себя целеустремленность зора, вселявшего в бабушку призрачную надежду на то, что наш-то, глянь! — ведь и вправду образумится и военным, может быть, станет.

Слухи, что у писателя Ильенкова на даче в Переделкино живёт внук Никита, который целеустремленно продвигается к карьере военного, облетели литературную Москву очень быстро. В результате уже к концу лета я слонялся по даче, поражая домочадцев стремительностью, с которой менял свои сценические образы: к завтраку я представлял лихим лётчиком, к обеду за столом сидел уже искрящийся золотом якорей моряк, за ужином перед тарелкой с манной кашей дремал чумазо прокопчённый пороховой гарью майор-танкист.

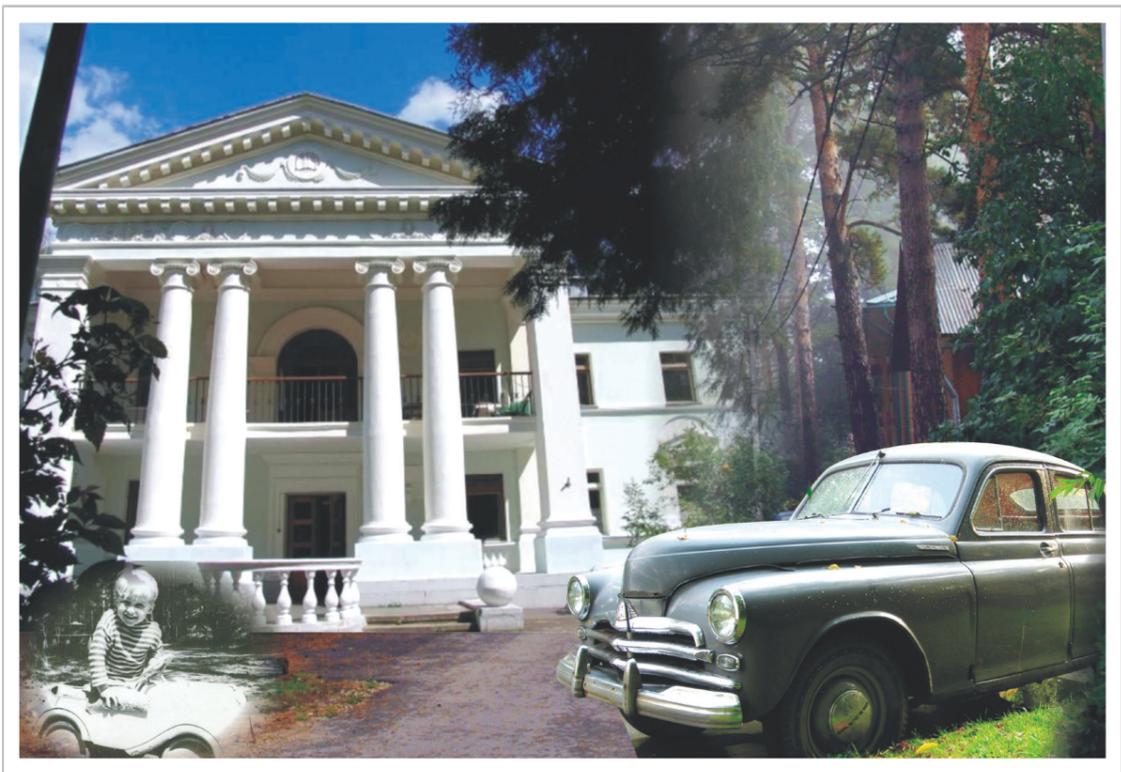
— Опять руки не мыл!
— Ты глянь на себя хоть в самовар, на кого похож, марш к рукомойнику! — это добавляла уже бабушка, которая, как и все женщины, не желала ничего смыслить в воинской службе и её атрибутах.

Португеза, подаренная мне одним начинающим артиллеристом-песенником, была мастерски укорочена и работала подтяжками в моём выходном наряде, а от количества офицерских ремней, развешанных по спинкам стульев в моей комнате, непосвящённый в тему, мог Бог знает что подумать о методах воспитания, царивших в переделкинском доме.

Как правило, очередное пополнение запасов моего военно-вещевого довольствия приходилось на выходные дни, которые, в свою очередь, почти всегда дополнялись ещё и инспекторскими проверками приехавших из Москвы родителей.

Но какие тут родители, когда бабушка уже успела наскоро приметать чёрными нитками к моей фланелевой рубашке-ковбойке очередные погоны, на этот раз капитана-связиста.

— Посмотрите на него: он даже мать не

замечает, ухом не ведёт, не дозовёшься! — ворчала входящая в дом мама.

— Пора забирать в Москву и думать о садике, а то совсем без коллектива одичает, а ведь через три года и школа! — подвёл итог очередного осеннего смотра папа и вышел на крыльцо раскуривать свою трубку. Его поддержала мама и, умоляюще глядя на деда, попросила: «Ася, ведь ты же поможешь... Я знаю, что у Союза писателей есть садик у метро Аэропорт. Ещё вот что удобно: летом садик выезжает на дачу во Внуково, а это опять же рукой подать до Переделкино».

Через месяц так всё и случилось. Я пошёл в среднюю группу садика Литфонда СССР.

Но пока я ещё жил в Переделкино, слушал маму и мотал на ус: «Так, так, так, интересенько получается: летом детсад совсем рядом с нашей дачей! Это мы запомним! Зря мама это вслух да ещё при мне сказала. Этой информацией я вероломно воспользуюсь, когда, не выдержав насильственной чистки зубов по два раза в день (!) и, подумав только, ежедневно (!) мытьё ног, а также несметного и оттого совершенно непривычного для меня количества грубых и невоспитанных мальчишек, не говоря уже об обвалившихся на моё воображение особенностях устройства девчонок, которых я не знал и никогда с этим в своём переделкинском обиходе не сталкивался. Так дальше жить было нельзя! Бежать!».

Ближе к вечеру, набив живот чудовищной смесью из привезённых гостинцев: клубники, вафель, разноцветных шариков драже «Крикет», которое хорошо шло вприкуску с домашними пирогами с капустой, а также ломтями ветчины, крутыми яйцами — словом, всем тем, что пролезало в дырку детсадовского забора, короче, покончив с гостинцами, я вытер о штаны перепачканные абрикосовым вареньем руки и под непрерывное иканье и всхлипывания своего новообретённого детсадовского друга по имени Богдан, протиснулся в ту же родительско-продуктовую дырку в заборе, отыскал перед воротами папину голубую Волгу, открыл заднюю дверцу и тихонечко лёг на пол, затаился и благополучно выбрался из этой треклятой зоны насильственного коллективизма и пыток санитарией и гигиеной.

Мама всегда садилась в машину на переднее сиденье, и оттого обнаружили меня лишь возле ворот нашей переделкинской дачи.

— Сандалии жалко, почти новые оставили, и пасты зубной земляничной я понавезла, как дура, целых пять тюбиков», — сокрушалась мама.

— Ещё панамы и сачок, — добавил папа, заезжая на участок и мастерски увораживаясь от дачных ёлок.

— Да ладно уж, чего уж теперь, да и, наверное, если даже и вернуть сразу, то обратно его и не взяли бы.

— Ладно уж, пусть перед школой напоследок понежится в Переделкино, на вольном выпасе, — как всегда не повышая голоса подытожил наши приключения папа.

* * *

— Мальчик, это дача писателя Ильенкова? — послышался голос за моей спиной.

Я обернулся: спрашивал какой-то дядька с двумя толстенными папками рукописей под мышкой и в светло-сером пальто, явно перешитом из парадной офицерской шинели.

— Лётчик, — с лёгкостью определил я род войск.

— Ильенкова? Ильенкова! Здесь, здесь он живёт, здесь, проходите, пожалуйста, — искренне радуясь, пролепетал я.

— Я знаю, ты — Никита!

— Ага, Никита, Никита, проходите быстрее, а то перед обедом мне сладкое нельзя. Сейчас даст «Кара-Кум!» — мысль воющей электричкой пронеслось у меня в голове. И действительно, дядька остановился и, свекольно покраснев, стал рыться в кармане сине-зелёных галифе с голубым лампасом ВВС.

Я успокоился: события начинали обретать привычную последовательность, обозначенную знакомыми вехами нашего распорядка дня. Возле дома трижды радостно блякнул колокол, сделанный из перевернутой ёмкости ручного умывальника: «Самовар готов» — оповещала домочадцев бабушка Лиза.

Вечером мне перешли майорские погоны на полковничьи, и я вновь стал счастливым и, главное, оказался в Переделкино...

Вся жизнь автора переделкинских воспоминаний оказалась связана с автомобилями: Никита Евгеньевич Розанов - кандидат искусствоведения, зав. кафедрой Академии им. С.Г. Строганова, автор многих статей и книг по истории автомобильного дизайна